

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕНТЯВРЬ

1870.

(ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ).

ЧАСТЬ СХЛХІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЛАДИМИРСКАЯ,

ДОМЪ № 15.

1870.

101
1870

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Неприкосновенность частной собственности
въ международных войнахъ. (I и II). Р. Базинера.

Отношенія русскаго правительства къ като-
лической пропагандѣ въ первой поло-
винѣ XVIII вѣка. Д. Извъкова.

Сатиры Персія. (Сатира I). Н. М. Благовѣщенскаго.

Критическія и библиографическія замѣтки:
Отвѣтъ г-ну Ю. Я. на его рецензію книги «Исторія
соціальныхъ системъ» Д. О. Щеглова.

Новости иностранной ученой литературы. (I.
Философія. II. Второй философскій кон-
грессъ).

Идеи и факты изъ исторіи педагогій. (I) . . П. Д. Юркевича.

Преподаваніе классическихъ языковъ въ нѣ-
мецкихъ гимназіяхъ. А. Д. Юркевича.

Нѣсколько словъ объ экзаменахъ въ австрій-
скихъ и въ русскихъ гимназіяхъ . . . Д. Туранскаго.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.
СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

} (См. на 3-й стр. обѣрки).

ОТНОШЕНІЯ РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КЪ КАТОЛИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДѢ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.

Неоднократно испытывая хитрыя и притязательныя дѣйствія папскаго двора, Русскіе вообще издавна очень недовѣрчиво смотрѣли на католичество и его агентовъ. По историческимъ документамъ извѣстно, что римскіе католики въ старину не могли открыто исповѣдывать свою религію въ сѣверной Россіи ¹⁾ и до XVIII столѣтія не имѣли здѣсь своихъ церквей ²⁾. Если съ такою осторожностію и видимою неблагосклонностію относилась къ католицизму старая Россія, вообще строго уважавшая церковный авторитетъ, и потому имѣвшая нѣкоторыя точки соприкосновенія съ католичествомъ, то еще съ большею неблагосклонностію должна была отнестись къ нему новая Россія — Петровской эпохи, склонявшаяся на сторону протестантства, съ его свободнымъ характеромъ церковной, научной и государственной жизни и дѣятельности. Такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Самовластный и независимый характеръ Петра I никакъ не могъ помириться съ католическою доктриною, которая поддерживала рутину и незаконно возвышала авторитетъ папы, въ подрывъ свѣтской власти государей. Разъѣзжая по Европѣ, Петръ узналъ много непривлекательныхъ и темныхъ исторій о гнетѣ папства надъ народами и государями, а у себя на Руси имѣлъ случай окончательно убѣдиться въ достовѣрности этихъ исторій. Въ сочиненіи „О понтифексахъ римскихъ“, принадлежащемъ другу Петра Теофану Прокоповичу, прямо сказано, что папы нападали на государей, низвергали ихъ съ престо-

¹⁾ Это видно изъ свидѣтельства Маржерета (Исторія русской церкви, преосв. Филарета, періодъ 4-й, стр. 135).

²⁾ По свидѣтельству Таннера (*Вѣстникъ Европы* 1830 г., № 23), католикамъ не дозволялось имѣть въ Россіи ни церквей, ни священниковъ. Въ началѣ XVIII вѣка они жаловались Петру, что у нихъ нѣтъ своей церкви и только обманомъ выстроили ее въ Москвѣ (*Le Catholicisme Romain en Russie*, I, стр. 126—128).

ловъ и жестоко ругались надъ ними. Перечитывая картину униженія государей предъ папами, Петръ каждый разъ долженъ былъ испытывать самое враждебное чувство къ папству и его клеветамъ. „Папа сидитъ на престолѣ“, говорится въ томъ же сочиненіи, „въ облаченіи и митрѣ. Императоръ, подходя къ нему, трижды колѣна до земли передъ нимъ преклоняетъ и униженнымъ образомъ, подступая къ нему, цѣлуетъ папину ногу, и ставши пакы на колѣна, знатную сумму золота къ ногамъ его полагаетъ, въ знакъ благодарности за таковую себѣ честь. Когда папа садится на коня, то присутствующій при томъ государь, хотя бы онъ былъ императоръ, держитъ стремя коня его и потомъ за узду нѣсколько ведетъ его. А когда папа велитъ выносить себя сидящаго въ креслахъ, то съ прочими несетъ его императоръ; и сей же монархъ долженъ былъ, когда папа умываетъ себѣ руки, держать умывальницу; когда папа сядетъ кушать, то первое блюдо самъ передъ него поставляетъ; не повелѣвалъ только уставъ сей императору въ поварню ходить, се же ради императорской чести“... Эти строки сильно воспламеняли досадою и ненавистью горячую и самовластную натуру Петра, и онъ явно выразилъ свое презрѣніе къ папству въ публичномъ пародированіи папскихъ церемоній. При дворѣ Петра Великаго былъ шутовскій князь-папа. Роль этого комическаго лица разыгрывали то Никита Зотовъ, то Иванъ Головинъ, то Ивалъ Бутурлинъ¹⁾. Вотъ, напримѣръ, какого рода шутовское представленіе устроилъ государь въ январѣ 1725 года. По смерти князя-папы Вутурлина, государь, пародируя конклавъ кардиналовъ, собирающийся въ Римѣ для выбора новаго папы, велѣлъ устроить въ домѣ умершаго князя-папы особую залу, обитую соломомъ. Посреди стояла бочка съ виномъ и кресло для будущаго князя-папы. Четырнадцать ложъ, перегороженныхъ соломенными щитами, образовали мѣсто для конклава. Въ каждой ложѣ вмѣсто лампы висѣло по лаптю. Въ шутовской процессіи прибыли вельможи, игравшіе роль кардиналовъ, въ кардинальской одеждѣ и съ изображеніемъ Бахуса на груди. Въ процессіи шло между прочимъ шестнадцать зайкъ, изображавшихъ собою папскихъ ораторовъ, и двѣнадцать плѣшивыхъ носильщиковъ съ пузырями въ рукахъ. По прибытіи на мѣсто, эта странная процессія была привѣтствована ударами деревянныхъ молотковъ въ пустыя бочки. Послѣ веселаго пиршества члены конклава были заперты въ своихъ ложахъ, и двери залы запечатаны. Къ утру большинствомъ го-

¹⁾ Дѣянія Петра Великаго, соч. Голицева, VI, 373.

лосовъ избранъ былъ новый князь-папа. Присутствующіе въ конклавѣ почтили его цѣлованіемъ его туфель, и двѣнадцать плѣшивыхъ носильщиковъ понесли его по улицамъ¹⁾). Причудливая фантазія Петра помѣстила здѣсь, кажется, все, что только могло уронить и унижить папу и его дворъ.

Не довольствуясь насмѣшкой надъ папствомъ, Петръ серьезно изобличалъ римскій дворъ, доказывалъ незаконность существованія папъ и своими доводами посрамилъ (въ домѣ адмирала Липаксина) ученаго папскаго кліента, польскаго посла Огинскаго²⁾). Антипатію Петра къ папству вполне раздѣлялъ и энергично поддерживалъ его любимецъ Теофанъ Прокоповичъ. Ему приписываютъ сочиненіе „О папѣ антихристѣ“³⁾), гдѣ онъ не пощадилъ своего остроумія и сарказма для униженія искони ненавистнаго ему папства.

Съ неменьшею непріязненностію относился Петръ и къ главнымъ поборникамъ латинства, къ иезуитамъ. Хитрые, коварные, пронырливые и почти вездѣ успѣвавшіе въ своихъ замыслахъ, иезуиты оказывались самыми лучшими пособниками папскаго двора и самыми ловкими и обольстительными пропагандистами католической доктрины. Такіе люди до глубины возмущали желчную натуру Петра и удостоивались отъ него очень нелестныхъ отзывовъ. Во время пребыванія своего въ Вѣнѣ въ 1698 г. осмотрѣвъ коллегіумъ иезуитовъ, Петръ говорилъ: „Знаю я, что иезуиты большею частію люди ученые, во многихъ художествахъ искусные и ко всему способные, но не для меня, ибо я знаю также и то, что сколько они ни кажутся набожными, однако же вѣра ихъ служить только покровомъ къ обогащенію, равно какъ ихъ училища и художества — орудіемъ къ проискамъ, услугамъ и выгодамъ папы и къ господствованію надъ государями“⁴⁾). Въ 1705 году Петру пришлось имѣть довольно серьезное столкновеніе съ католическими духовными. Лѣтомъ этого года Петръ съ своими войсками былъ въ польскихъ владѣніяхъ, въ качествѣ союзника Польскаго короля Августа противъ Карла XII. Вечеромъ 30-го іюня Петръ зашелъ съ своими приближенными осмотрѣть Полоцкій униатскій монастырь. Петръ хотѣлъ войти въ алтарь, но монахи не пустили его, говоря, что ему, какъ противнику католической вѣры, не слѣдуетъ входить въ святилище. Петръ былъ раздраженъ этимъ,

¹⁾ Исторія Петра Великаго, соч. Бермана, VI, 4—7.

²⁾ Возраженіе на пашквиль лютеранскій, рукоп. Моск. дух. акад. № 127.

³⁾ Обзоръ Русской духовной литературы, пресв. Филарета, II, 15.

⁴⁾ Исторія Петра Великаго Бермана, I, 276.

но сдержался. Вслѣдъ за тѣмъ, увидѣвъ одинъ образъ, отличавшійся особыми украшениями, онъ спросилъ: „Чей это образъ?“ Монахи отвѣчали: „Священномученика нашего Иосафата (Кунцевича), котораго ваши единовѣрцы умертвили“. Петръ велѣлъ своимъ приближеннымъ схватить монаховъ. Но монахи, видя малочисленность царской свиты, не сдались и начали кричать о помощи; сбѣжались послушники вооруженные, и началась схватка. Въ этой схваткѣ раздраженіе Петра достигло высшей степени: онъ велѣлъ повѣсить монаха, который прежде отличался выходками противъ него въ проповѣдяхъ. Этимъ печальнымъ событіемъ не преминули воспользоваться католики для нападокъ на Петра ¹⁾. Описанное происшествіе произвело тяжелое впечатлѣніе на него самого и окончательно вложило въ его душу презрѣніе къ монахамъ-іезуитамъ.

Презирая папство и его поборниковъ, Петръ съ недовѣрчивостію и неуваженіемъ смотрѣлъ и на католическіе обряды, обычай, святиню и чудеса. Онъ видѣлъ въ нихъ проявленія своекорыстія и обмана духовенства. Есть преданіе, будто Петръ открылъ подлогъ въ одномъ польскомъ костелѣ, гдѣ ему показывали статую плачущей Богоматери ²⁾. Не довѣряя католической обрядности, Петръ всячески старался изгнать и изъ Россіи всякое подобіе ей. Въ указѣ 1722 года мы читаемъ: „Рѣзныхъ иконъ и отливныхъ не дѣлать и въ церквахъ не употреблять, кромѣ распятій... понеже... въ Россію сей обычай, что рѣзныя неумѣренныя иконы устроить, вшелъ отъ иновѣрныхъ, а наипаче отъ римлянъ и отъ послѣдующихъ имъ *порубежныхъ* намъ *Полляковъ*, которымъ, яко благочестивой нашей вѣрѣ несогласнымъ, послѣдовать не подобаетъ“ ³⁾.

Имѣя въ виду указаннаго отношенія Петра Великаго къ папству, къ іезуитамъ, и вообще къ католической церковной жизни, легко представить себѣ и отношенія правительства Петровской эпохи къ католической пропагандѣ. Она не могла найти себѣ теплаго пріюта въ Россіи и должна была замирать въ своемъ корнѣ.

Въ исходѣ XVII вѣка прибыли въ Москву іезуиты Шмитъ и Тихановскій. Вскорѣ по приѣздѣ они обратились за покровительствомъ къ секретарю австрійскаго посольства Курціусу, при посредствѣ его ку-

¹⁾ Исторія Россіи *С. Соловьева*, XV, 168—169.

²⁾ Въ Венеціанской «Исторіи Петра Великаго» приводятся многіе факты изъ жизни латинскаго духовенства, обманывающаго народъ ложными чудесами и суевѣрными разказами.

³⁾ Полное Собраніе Законовъ, № 4079.

пили себѣ домъ, завели школу и начали привлекать въ нее русскихъ дѣтей; вмѣстѣ съ тѣмъ они пустили въ оборотъ и другія орудія своей пропаганды — книги, образа и все, что могло содѣйствовать ихъ корыстнымъ и изувѣрнымъ видамъ. Пронски іезуитовъ, при всей таинственности ихъ, не укрылись отъ взора бдительнаго патріарха Іоакима. Онъ узналъ о незаконныхъ и приманчивыхъ дѣйствіяхъ іезуитовъ и потребовалъ немедленнаго удаленія ихъ изъ Москвы. Въ 1689 году правительство выгнало изъ Москвы этихъ пропагандистовъ и притомъ замѣтило, что „они святой восточной и апостольской церкви и догматамъ ея чинили противность и расколъ, и людей прельщали и римской вѣрѣ своей научали“¹⁾. Но іезуиты не потеряли надежды на успѣхи католичества въ Россіи. Какъ люди эластичные и податливые на всякія мѣры и средства, они скоро оправились отъ тяжелаго удара и снова обратились къ ходатайству Курціуса²⁾. Въ этотъ разъ не помогъ іезуитамъ и самъ Курціусъ, хотя онъ ходатайствовалъ подъ покровительствомъ Цезаря. Курціусу категорически отвѣчали: „Строить костелы и заводить католическія училища въ Россіи нельзя; іезуитамъ возвратиться въ Россію не позволяется... Отъ давнихъ лѣтъ русскій народъ исповѣдуетъ восточное православіе, искренно ему преданъ и не желаетъ иного ученія. Если Цезарь настоятельно хочетъ, чтобъ іезуиты упражнялись въ проповѣди, то пусть отправятъ ихъ къ народамъ, не знающимъ истинной вѣры“. Не упали духомъ іезуиты и послѣ этого рѣшительнаго отказа. Они обратились къ ходатайству генерала Гордона. Пользуясь расположеніемъ Петра, Гордонъ поручилъ италіанскому купцу Гуаскони, жившему въ Москвѣ, выстроить тамъ католическій костелъ. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ Петру, онъ приказалъ произвести изслѣдованіе о постройкѣ латинскаго костела. Между тѣмъ онъ ужь отстронился. Теперь католицизмъ получилъ осѣдность и какъ-бы право гражданства въ Россіи. Москва снова начала наполняться іезуитами съ ихъ обычаями, школами и пропагандою. Петръ, занятый преобразованиемъ, совсѣмъ упустилъ было католическихъ пропагандистовъ изъ виду. По этому случаю дѣло іезуитовъ могло принять благопріятный исходъ. Но гдѣ не досматривалъ Петръ, тамъ зорко слѣдили его пособники. Государю донесли, что „оныя (іезуиты) учениковъ многихъ въ свой законъ привели, а

¹⁾ Тамъ же, № 1351.

²⁾ Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ іезуитовъ при Петрѣ Великомъ заимствованы изъ книги графа А. Д. Толстаго. — *Le Catholicisme Romain en Russie*, I.

назначе мѣщанскихъ“. Разсерженный царь приказалъ взять подъ стражу всѣхъ іезуитовъ и тотчасъ же выслать ихъ за границу, такъ какъ они „при духовности входятъ и въ другія дѣла, не принадлежащія имъ“¹⁾. Это было въ 1719 году. Въ Москвѣ остались только латинскіе священники, но подъ условіемъ „вѣрѣ христіанской никакой противности не чинить и русскихъ людей не отвращать отъ православной церкви“²⁾. Такимъ мѣраи католическая пропаганда была окончательно ослаблена и подавлена въ Москвѣ.

Хитрые іезуиты однако не оставили Россію въ покоѣ. Они только измѣнили поприще своихъ дѣйствій, изъ Москвы перенесли свои завоеванія въ Петербургъ и Астрахань. Правительство, занятое внутреннимъ преобразованиемъ Россіи, долго не знало о существованіи этой новой іезуитской пропаганды. Наконецъ, въ 1721 году были перехвачены и представлены въ духовную коллегію двѣ грамоты, посланныя на имя францискановъ отъ папы и римской конгрегации. Въ этихъ грамотахъ зановѣдывалось всѣми силами распространять католичество въ Россіи. Синодъ удивился новой дерзости католицизма и донесъ императору, что „францискане папскіе шпіоны, совѣты же папскіе безчеловѣчны, злочестивые и святотатскіе“. Государь приказалъ духовной коллегіи обстоятельно развѣдать о францисканахъ, „дабы цѣлость вѣры и государства безвредно была соблюдена“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ увѣдомить, сколько католиковъ проживаетъ въ Россіи, и въ какихъ городахъ; что же касается частныхъ домовъ, то въ нихъ позволялось держать духовныхъ особъ иновѣрнаго исповѣданія, только съ разрѣшенія синода³⁾. Въ 1724 году капуцины и францискане были удалены изъ Петербурга, а на мѣсто ихъ явились доминиканцы, какъ католики болѣе спокойные и благоразумные⁴⁾. Около этого же времени было наряжено слѣдствіе для разбора іезуитскихъ дѣлъ въ Астрахани⁵⁾.

Преслѣдуя католическую пропаганду въ Москвѣ, Петербургѣ и Астрахани, Петръ въ то же время съ особенною настойчивостію и вниманіемъ слѣдилъ за нею въ западно-русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ. Здѣсь онъ являлся вполне доблестнымъ защит-

¹⁾ Голицыновъ, Дѣянія Петра Великаго, VII, 238—431.

²⁾ Полное Собраніе Законовъ, V, № 3356.

³⁾ Полное Собраніе Законовъ, VI, № 3963.

⁴⁾ Le Catholicisme Romain en Russie, I, 138.

⁵⁾ Свидѣнія о латинской пропагандѣ въ Астрахани обстоятельно сообщены въ *Духовной Бесѣдѣ* 1865 г., №№ 12-й—16-й.

никомъ православія и всякій разъ, по требованію нужды, возвышалъ свой голосъ въ защиту православныхъ, притѣсняемыхъ католиками. Въ 1700 году онъ писалъ Августу III: „Нынѣ намъ, великому государю, донесено, что православныхъ грекороссійскія вѣры, обрѣтающихся въ Польшѣ и Литвѣ людей, а именно Виленскихъ и Минскихъ уѣздныхъ и городовыхъ жителей, въ Литвѣ бискупы, іезуиты и доминиканы и прежніе униаты и шляхта нѣкакимъ попущеніемъ разоряютъ и въ унию насилуютъ и бьютъ, а монастыри и святыя церкви отнимаютъ и заѣзжаютъ и обращаютъ въ унию“¹⁾. Въ 1722 году, по поводу жалобъ Бѣлорусскаго епископа Гедеона Четвертинскаго на притѣсненія отъ папистовъ, Петръ предписалъ русскому посланнику въ Варшавѣ „домогаться съ крайнимъ прилѣжаніемъ“, чтобъ была назначена коммиссія для разслѣдованія всѣхъ обидъ, панесенныхъ людямъ греческаго исповѣданія, и „стараться, чтобъ имъ впередъ гоненія не было“²⁾. Неоднократно Петръ относился съ своими представленіями къ римскому двору и требовалъ, чтобы папа „послалъ въ Польшу крѣпкій указъ не обижать людей греческаго исповѣданія въ противность трактатамъ и далъ совѣсти ихъ покой и свободу, ибо надъ совѣстію одинъ Богъ власть имѣетъ“³⁾. Такія энергическія мѣры Петра противъ католической пропаганды ясно свидѣтельствуютъ, что онъ оставался неизмѣннымъ въ своихъ отношеніяхъ къ католицизму.

Это ясно высказалось въ отношеніи Петра къ тонкой и искусной пропагандѣ Сорбоннскихъ богослововъ. Эти ученые мужи, во время пребыванія Петра въ Парижѣ въ 1717 году, приступили къ нему съ предложеніемъ о соединеніи церквей. Государь отвѣтилъ, что онъ „солдаты и въ богословіе не мѣшается“, но изъ деликатности принявъ записку, поданную Сорбоннскими богословами, и обѣщавъ передать ее русскимъ епископамъ для разсмотрѣнія. Сорбоннская записка оказалась хитро разчитаннымъ трактатомъ въ пользу католицизма и потому вызвала жесткій отвѣтъ со стороны русскихъ епископовъ. Они единогласно заявили, что „всякая перемѣна въ русской церкви подлежитъ великой опасности“. Петру не понравился такой рѣзкій отзывъ русскихъ пастырей о предложеніи Сорбонны, потому что онъ могъ разстроить политическія отношенія между Россіей и Франціей, а вслѣдствіе того Стефану Иворскому и Ософану Прокоповичу было поручено

¹⁾ Русская политика въ Польшѣ до Екатерины II, *Щебальскаго*. 7.

²⁾ Исторія Россіи, *Соловьева*, XVIII, 81.

³⁾ Тамъ же, XVIII, 92.

составить новые проекты отвѣта. Изъ двухъ редакцій отвѣта была принята и отослана въ Сорбонну только одна, Теофанова. Изворотливый, тонкій и ироническій отвѣтъ Прокоповича, поправившійся Петру, между прочимъ, гласилъ въ сущности слѣдующее. Дѣло соединенія церквей не выполнимо въ короткій срокъ и рѣшительно не возможно безъ согласія и участія восточныхъ патріарховъ. Что же касается до окончательнаго единенія церквей, то оно находится въ рукахъ Божественнаго Промысла: „Тако мы человекѣи разсуждаемъ и глаголемъ, самъ же Богъ... безчисленные и удобнѣйшіе имѣеть способы, хотя умомъ нашимъ и непостижимые, ими же святое сіе желаніе въ благополучный конецъ произвести возможетъ“. Католическіе ученые прямо поняли, подъ какимъ вліяніемъ составленъ былъ этотъ отвѣтъ и сложили всю вину своей неудачи на самого составителя ¹⁾. Но что бы ни думали римскіе католики о Теофанѣ, все-таки ихъ прозелитство при Петрѣ Великомъ осталось безъ всякаго успѣха и должно было выжидать для себя благоприятнаго исхода въ неизвѣстномъ будущемъ.

Невнимательный и недовѣрчивый къ религіознымъ интересамъ католицизма, Петръ былъ недоволенъ и католическою доктриною, представлявшею на видъ интересы папъ. Заказывая множество переводовъ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ, государь по преимуществу избиралъ для этой цѣли такія книги, которыя порицали папство. Такъ, по повелѣнію Петра, былъ переведенъ Гаврииломъ Бужинскимъ „Позоръ Историческій“ Стратемана ²⁾. Въ этомъ сочиненіи мы читаемъ такую тираду: „Центуріаторы Масдебургскіе многая, яже дотолѣ папешская погрѣшенія, замысли и високоумія прикровенна бяху, всѣмъ къ вѣденію произдадоша. Бароній, паки хотая покрыти, противу ихъ написать свои превелпчайшія на 12 вѣковъ книги, яже аще и сокращенная суть чрезъ Скаргу іезуита, но вездѣ папѣ воинствуютъ, срамъ и безчестіе его покрываютъ, пользу же и господство его расширити тщатся. Тѣмже воспріяхомъ трудъ надъ сею книжицею („Позоръ Историческій“), яко хотя имать творца протестантскія вѣры, обаче въ словахъ умѣреннаго.... Въ семъ Позорѣ истинно увидиши, чита-

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Петра и русскихъ епископовъ съ Сорбонскими богословами сообщены въ Прибавленіяхъ къ печатямъ проповѣдимъ *Яворскаго*, III, въ Дѣяніяхъ Петра Великаго *Голікова*, VI, въ сочиненіи *Пекарскаго*: Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 39—42, и въ сочиненіи *Чистовича*: Теофанъ Прокоповичъ и его время, 43—45.

²⁾ Наука и литература при Петрѣ Великомъ, соч. *Пекарскаго*, II, 614—615.

телю, каковѣнъ блху папы житіе и поведеніе“¹⁾). Итакъ, предусмотрительный государь старался создавать въ самой русской литературѣ пособія для униженія католической доктрины и для предупрежденія ея вліянія на Русскихъ. Впрочемъ, не отличаясь религиозною нетерпимостію и исключительностію, Петръ приказывалъ иногда переводить на русскій языкъ и сочиненія латинскихъ авторовъ; но при переводѣ ихъ соблюдалась строгая разборчивость, и дѣлалась особая замѣтка переводчинокъ. Въ предисловіи къ книгѣ: „Полидора Виргилія о поборѣтателѣхъ вещей“, сказано: „Да вѣдаетъ читатель творимая у нихъ (католиковъ), и да явится искусенъ во обхожденіяхъ ихъ. Убо буди подобенъ трудолюбивой пчелѣ, не токмо благоуханные цвѣты и дерева, но и мертвыя тѣлеса (?) облетающей и отъ всѣхъ дивный пчельникъ и сладкій медъ сочиняющей“²⁾). Въ концѣ II-й части „Лѣтописей“ Баронія, также переведенныхъ по желанію государя, сдѣлано такое предостереженіе отъ переводчика:

„Читателю, чужде внемли здѣсь опасно,
 „Что въ ней гдѣ странно, и что намъ согласно;
 „Доброе держи, злое же отрини:
 „Вѣкъ бо нашъ и свѣтъ наполенъ есть сномъ“³⁾).

Поятно безъ объясненій, что католическія книги, обставленныя, при своемъ переводѣ, такими предосторожностями и замѣчаніями, едва-ли могли увлекать на свою сторону русскихъ читателей и такимъ образомъ пропагандировать въ Россіи католическія тенденціи. Эти книги скорѣе всего отвращали Русскихъ отъ порицаемаго и критикуемаго папства.

Мы показали, что со стороны правительства при Петрѣ I были приняты и испробованы самыя энергическія мѣры противъ католической пропаганды въ Россіи. Теперь посмотримъ, такъ ли относилось къ этому дѣлу русское правительство при ближайшихъ преемникахъ великаго государя.

По смерти Петра Великаго католическая пропаганда могла имѣть болѣе успѣха на Руси. „Реакція, начавшаяся при Екатеринѣ“, говоритъ г. Чистовичъ, „развернулась во всей силѣ при Петрѣ II. Многія лица, заправлявшія дѣлами въ царствованіе Петра I, сошли со сцены; новыя плея пружія *опальныя* выступили на сцену“⁴⁾). „Смертію Пе-

¹⁾ Тамъ же, I, 330.

²⁾ Наука и литература при Петрѣ Великомъ, *Лекарская*, т. II, 48—487.

³⁾ Тамъ же, т. II, 447.

⁴⁾ Осоевъ Прокоповичъ и его время, стр. 223—224.

тровою“, говоритъ авторъ «Молотка на Камень вѣры», „воскресоша пакн единомышленники Яворскаго.... по своимъ прихотямъ они прилѣжно о тиранствѣ панежскомъ трудились“¹⁾. Хотя эти слова и не вполне справедливы, тѣмъ не менѣе въ царствованіе Петра II мы встрѣчаемъ довольно самонадѣянныя попытки католиковъ завербовать подъ свое иго Россію. Благопріятный предлогъ для такихъ попытокъ представилъ поступокъ княгини И. П. Долгоруковой, рожденной княжны Голицыной (супруги князя Сергѣя Павловича). Возвращаясь въ Россію изъ-за границы, гдѣ она приняла католичество, она просила отправить съ нею какое-либо духовное лицо для поддержанія ея въ новой вѣрѣ. Сорбонскіе богословы послали съ нею священника Жака Жюбе, извѣстнаго подъ ложно принятымъ имъ названіемъ Лакура, съ тѣмъ чтобъ онъ старался и о соединеніи церквей. 28-го февраля 1727 года Утрехтскій епископъ писалъ къ Жюбе: „Смѣю просить васъ... сопровождать княгиню Долгорукову въ ея отечество, чтобы служить ей руководителемъ въ духовной жизни, также обратить къ Богу (то-есть, въ католичество) ея семейство; наконецъ, слѣдовать во всемъ откровенію, которое Богу угодно будетъ ниспослать вамъ въ Московіи для соединенія этой великой церкви съ латинскою. Знаю, что рѣшимость огромна, но мнѣ извѣстна вѣра, дарованная вамъ отъ Бога, которую вы одушевлены“. Сорбонна, съ своей стороны, дала формальное полномочіе Жюбе, кончавшееся такъ: „Мы не сомнѣваемся, милостивый государь, что вы употребите всѣ средства, чтобы возбудить въ почтеннѣйшихъ епископахъ русской церкви охоту обратить вниманіе на важность этого дѣла“. Жюбе прибылъ въ Москву 20-го декабря 1728 года, въ самый разгаръ могущества семейства Долгоруковыхъ при русскомъ дворѣ. Жюбе былъ человекъ уже пожилой (ему было 54 года) и ловкій на всѣ руки. Этотъ достойный священникъ, по словамъ современника, доктора Сорбонны Бурсье, соединялъ съ вкрадчивымъ обращеніемъ манеры, способныя для привлеченія умовъ. Каждый искалъ общества и бесѣды съ столь любезнымъ иностранцемъ и считалъ за честь быть знакомымъ съ нимъ. Въ началѣ обстоятельства видимо благопріятствовали Жюбе. Въ Москвѣ онъ нашелъ себѣ сильнаго покровителя въ испанскомъ посланникѣ, герцогѣ де-Лиріа. Испанскій посланникъ, какъ только узналъ о замыслахъ Жюбе, взялся поддерживать ихъ разными происками, а для огражденія безопасности Жюбе выдалъ ему 1-го марта 1729 года

¹⁾ Возраж. на пашкиль лютеранскій (рук. Моск. дух. акад., № 127, л.).

письменный видъ, что онъ посольскій духовникъ. „Чтобъ имѣть болѣе возможности вести великое дѣло“, замѣчаетъ Бурсье, „и составить проекты, которые могли бы быть приняты, Жюбе убѣдиль брата княгини Долгоруковой, князя Голицына, уступить посланнику свой прекрасный загородный домъ. Здѣсь, въ величайшей тайнѣ, была составлена записка, доказывавшая духовныя и мірскія выгоды соединенія церквей“. Вообще Жюбе успѣлъ на столько подвинуть свое дѣло, что уже началъ совѣщаться о соединеніи церквей съ нѣсколькими русскими духовными лицами — Теофилактомъ Лопатинскимъ, Варлаамомъ Ванатовичемъ, Евфиміемъ Колетти, и кажется, съ Сильвестромъ, бывшимъ епископомъ Рязанскимъ. Изъ словъ самого Жюбе видно впрочемъ, что они не очень поддавались на его предложенія, и что всѣхъ ихъ страшили власть и притязанія римскаго двора. Вскорѣ послѣдовавшія политическія событія остановили дальнѣйшіе успѣхи этого дѣла, и въ 1731 году Жюбе долженъ былъ удалиться изъ Россіи, какъ опасный и вредный человѣкъ ¹⁾.

Вникая въ исторію описанной католической интриги при Петрѣ II, мы находимъ, что она имѣла закулисный характеръ и боялась дневнаго свѣта. Стало быть, Россія и въ это время была въ безопасности отъ открытаго прозелитизма латинянъ. И дѣйствительно ему не благоприятствовали самыя тогдашнія законодательныя мѣры Россіи. Именнымъ указомъ 1728 года былъ строго воспрещенъ въѣздъ въ Россію духовнымъ особамъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, и повелѣно „выслать тѣхъ, которые живутъ въ ней, а буде у кого такія особы нынѣ живутъ, тѣхъ немедленно выслать за рубежъ“. Въ силу этого закона вся Смоленская шляхта обязывалась „не чинить соблазна православнымъ и не отсылать своихъ дѣтей въ Польшу, а отсылать ихъ въ російскія школы, которыхъ въ Москвѣ и Киевѣ довольно число“. Въ томъ же году было разрѣшено пропускать въ Россію ксендзовъ только въ крайнихъ случаяхъ, съ разрѣшенія мѣстныхъ губернаторовъ и архіереевъ и подъ необходимымъ условіемъ, чтобы ксендзы вели себя кротко и смиренно, иначе они подвергнутся жестокому наказаніямъ и изгнанію ²⁾. Все это, очевидно, противодѣйствовало католической пропагандѣ въ Россіи и при Петрѣ II.

Еще менѣе могъ разчитывать на успѣхъ латинскій прозелитизмъ

¹⁾ Волге полныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Жюбе сообщены у *Лекарсаю*, Наука и литература при Петрѣ В. (I, 42 — 43), и у *Чистовича*, *Отечественн. Прокоповичъ* и его время (369 — 373).

²⁾ Полное Собраніе Законовъ, VIII, № 5.238.

при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, когда воцарилась въ Россіи нѣмецкая партія, презиравшая католичество. Только въ началѣ этого царствованія, въ 1730 году, мы встрѣчаемъ попытку іезуитской пропаганды, но и въ это уже время она встрѣтила себѣ сильный отпоръ со стороны прозорливаго Ѳеофана Прокоповича. Узнавъ о коварныхъ дѣйствіяхъ и искусно написанномъ въ защиту католичества сочиненіи доминиканца Рибейры, находившагося при испанскомъ посланникѣ въ Россіи, Ѳеофанъ немедленно представилъ правительству слѣдующія свои соображенія: „Помяная происки католиковъ о соединеніи церквей при Петрѣ I, не могу не имѣть подозрѣнія, что не къ тому ли намѣренію и Рибейровы лжесоставныя объявленія устроены“. Участъ Рибейры и особенно его русскіихъ сообщниковъ была очень печальна ¹⁾. Не ограничиваясь судебными разслѣдованіями и пытками всѣхъ соучастниковъ Рибейры, правительство въ 1735 году сочло долгомъ приказать, „чтобы никто (изъ шовѣрцевъ и преимущественно католиковъ) не дерзалъ, какимъ бы образомъ и подъ какимъ бы претекстомъ, изъ нашихъ подданныхъ въ свой законъ превращать, подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ съ нимъ поступлено будетъ по гражданскимъ уставамъ и указамъ“ ²⁾.

Не могла ожить въ Россіи католическая пропаганда и при Елизаветѣ Петровнѣ. Эта государыня, до глубины души преданная православію и русскому духовенству, положила себѣ за правило — „быть послушною единой православной восточной церкви“ ³⁾. Вслѣдствіе этого она „возымѣла непреклонное намѣреніе вся ереси отъ церкви восточной истребити... и въ противности святыхъ церкви пребывающихъ суду праведному и наказанію предавать“ ⁴⁾. Это намѣреніе Елизаветы не оставалось праздною мечтой. Освѣдомившись о католическомъ направленіи княгини Долгоруковой, Елизавета Петровна нарядила слѣдствіе и въ 1746 году дала именный указъ синоду, чтобы онъ слѣдилъ, „дабы таковыя отметники отъ православныя восточныя церкви, родившіеся въ православіи и отъ правобѣрныхъ родителей, въ нашей имперіи терпимы не были, а другіе, на то смотря, отъ такой лукавой прелести остерегались“. Долгорукову вмѣстѣ съ дѣтьми

¹⁾ *Чтенія Общества исторіи и древностей русскіихъ* 1863 года, кн. 2; Рашиловское дѣло Чистовича (С.-Пб., 1861 года).

²⁾ Полное Собраніе Законовъ, IX, № 6698.

³⁾ См. слово Платона Малиновскаго 1742 года въ одномъ извѣстномъ намъ собраніи печатныхъ проповѣдей Елизаветинскаго времени.

⁴⁾ См. слово Маркелля Радышевскаго 1742 года, тамъ же.

взяли въ синодъ для изслѣдованія и увѣщанія. Послѣ допросовъ и показаній, изустнымъ повелѣніемъ государыни приказано было князи Сергѣя Долгорукова, съ сыномъ Николаемъ, отослать въ Саввинъ Сторожевскій монастырь—перваго на годъ, а втораго на нѣсколько мѣсяцевъ; а за женой его и дочерью, княжною Анною, приказано строжайше наблюдать, чтобъ онѣ исполняли всѣ обряды православной церкви. Два другіе сына, князья Александръ и Владиміръ, прибывшіе въ томъ же году изъ Парижа, по испытаніи ихъ въ синодѣ, оказались въ православно-восточной грекороссійской вѣрѣ и законѣ „не тверды и сумнительны“, почему и приказано было отправить ихъ для утвержденія въ законѣ къ учителямъ Александро-Невской семинаріи ¹⁾. Подражая во многихъ дѣлахъ правленія своему отцу, Елизавета Петровна съ особенною зоркостію слѣдила за цѣлостію православія и за пропагандою католиковъ въ западныхъ и южныхъ областяхъ своей имперіи, гдѣ былъ давній притонъ іезуитовъ, и гдѣ они искони ловко и очень успѣшно вели свои дѣла. Такъ какъ іезуиты болѣе всего совращали православныхъ при обученіи и посредствомъ распространенія своихъ книгъ, то на эти предметы и устремлились преимущественно взоры правительства. Императрица накрѣпко приказала блюстителямъ школъ, „чтобъ ученіе было благочестивое, христіанское, восточнаго исповѣданія, а отступниковъ и противниковъ, также и еретиковъ, въ школы не допускать и прелесть противнаго исповѣданія и всѣ еретическія обученія весьма отсѣкать и искоренять ²⁾),... „преподавать же ученіе, не отлучаясь ни въ чемъ святыхъ восточныхъ церкви“ ³⁾. Поставляя въ непремѣнную обязанность тогдашнему Киевскому митрополиту Тимоѳею Щербатскому „ещиися, како бы богоданную паству охранять отъ еретиковъ, сущихъ волковъ, отъ которыхъ разсѣваются суевѣрія, расколы, ереси и безбожныя помышленія“ ⁴⁾, правительство выстѣ съ тѣмъ требовало отъ Щербатскаго, чтобъ онъ завелъ при своемъ домѣ типографію и печаталъ въ ней книги „по чину, преданію же и мудрованію восточныхъ церкви за его митрополитскимъ досмотромъ“, но отнюдь не печаталъ бы книгъ, гдѣ „усмотрѣны несогласія съ православною нашею вѣрою“, и по преимуществу заботился бы о тисненіи тѣхъ сочиненій, которыя могутъ

¹⁾ Отчетъ о десятомъ присужденіи Уваровскихъ премій (С.-Пб., 1868 года); статья *Некарскаю: Отзывъ о сочиненіи г. Чистовича — «Феофанъ Прокоповичъ».*

²⁾ Киевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ, II, 91.

³⁾ Памятникъ Киевской комиссіи, II, 329, 315.

⁴⁾ Описаніе Києво-Софійскаго собора; приложенія № 39, 194.

послужить „въ утверженіе православной вѣры и отвращеніе народа отъ римскихъ заблужденій“; въ справщики книгъ и надзиратели за типографіей приказано избрать людей искусныхъ въ Смищенномъ Писаніи, „дабы правленіе и печатаніе книгъ происходило добропорядочно, и противности церкви святѣй пи въ чемъ отнюдь несогласія не было“¹⁾. Такимъ образомъ католическая пропаганда была энергически ослабляема въ Россіи и при Елизаветѣ Петровнѣ.

Указанныя нами отношенія русскаго правительства къ католической пропагандѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка могутъ показаться для современной критики притязательными и неумѣстными. Правительство, могутъ сказать намъ, виѣшнвалось не въ свое дѣло. Конечно, въ интересахъ нравственной силы и автономіи церкви, было бы несравненно лучше, если бы русская церковь дѣйствовала противъ католиковъ исключительно по собственной инициативѣ, и если бы она противопоставляла заржавѣлой доктринѣ гордаго папства свѣтлый образъ православія и тѣмъ самымъ осязательно и убѣдительно доказывала папству его незаконное и дерзкое покушеніе на совращеніе православныхъ. Но такая могучая, вполне законная нравственная борьба съ папствомъ едва-ли остановила бы происки иезуитовъ, не знавшихъ другихъ средствъ пропаганды, какъ ложь и обманъ, и потерявшихъ способность убѣждаться внушеніями истины и правды.... Мы знаемъ, что католическій прозелитизмъ XVIII вѣка дѣйствовалъ въ Россіи во имя политическихъ интересовъ и даже подъ покровительствомъ разныхъ иноземныхъ государей. Не умѣстно ли было, чтобъ и противъ него стало дѣйствовать само правительство?

Д. Извѣковъ.

¹⁾ Тамъ же, № 40, 197 -- 206.